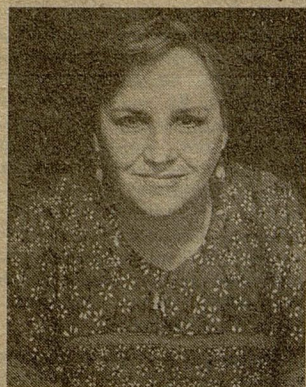

Наши читатели уже знакомы со многими образчиками так называемой «актерской прозы». В том числе и с литературными этюдами Нанны МОРДЮКОВОЙ. Помимо самобытного повествовательного слога испытываешь энергию человеческого темперамента, которая даже из серых будней выплавляет крупницы драгоценные. Все это есть в прозе Мордюковой, новая подборка которой вскоре выйдет в журнале «Октябрь», щедро подарившем нам право первой публикации одного из фрагментов...

Нонна Мордюкова

ПУТАНЫ-90

Подружки мои дорогие! Кому «за», кому «до», а вообще — давно вернувшись с ярмарки. Люблю наблюдать за вами, видеть вас. Как старательно собираете свои актерские аксесуары и, сломя голову, едете или идете выступать, бесплатно выступать где потребуется. Будь то воинская часть, или жэк, или больница.

«Шефака давить» — называется на языке актеров шефское выступление.

Помню, прилетела откуда-то, а в Москве суббоник. Люди копошатся, метут, стригут, песенки поют, а в цехах проценты выдают, а я!

Хватаю концертное платье, туфли и — в Дом кино.

Там шел вечер, и вел его Олег Анофриев.

— А ты чего? Тебя в списках нет.

— Так впиши. Я неохваченная...

Толстенки с подагрой на ногах. Газ, люрекс, парик, немодные лаковые туфли, бисер...

По ходу того, как облачают себя в сценические одеяния, спина как-то выпрямляется; появляется осанка, накладывается умеренный грим... Священнодействуют; душевный подъем.

Кто-то давно выпал из обоймы действующих и известных. «Помните, там дама выбрасывается на ходу поезда — это я...». Бывают такие напоминания зрителю о своих актерских деяниях. Зритель внимательно слушает, уважает, вина себя за плохую память, не вспомнив вывалившуюся с поезда...

Нашему поколению вместе со знакомством с профессией наказывалось: общественная жизнь, служение народу, патриотизм — это неотъемлемая часть звания советского артиста. Нам крепко привито это с юности, и по сей день носит нас нелегкая — то на откры-

тие строек, то на вручение грамот и знамен в праздничные дни. Это свято. Это безукоснительно. Стали платить за выступления, а от «шефаков» все одно артисту не отвертеться.

От «шефаков» теплеет сердце любого начинающего: то вагонку надо выбить для достройки детсада, то шторы для дома ветеранов. И не честь, сколько бытовых потребностей удовлетворялось и удовлетворяется путем шефских концертов.

Бывает, в ГАИ улыбнемся, поздороваемся, выпросим, чтобы простили товарища за нарушение; бывает, в кабинете главврача встреча. Назавтра принимают, к примеру, в институт кураторологии кого-то с болезнью диска в спине или на водную вытяжку.

Что за чудо — искусство.

Есть, конечно, и пышные концерты — с именами, транспортом, угощениями и оплатой. А эти — маленькие, задворные действия с не меньшим вниманием и благодарностью принимаются рабочими, колхозниками, военными.

То грустим, то радуемся, делимся лекарствами — кому от давления, кому для нервов.

Так получилось, что мои роли дольше держались в памяти людей, и на такие мероприятия подружки считают долгом пригласить меня для пущей важности. Куда ж я денусь?

Идет несмолкаемый перерыв с вечера. Всю «черную» работу берут на себя.

Какая это прекрасная тусовка целый день. Сперва подъезжает, качаясь, как уточка, допотопный автобусик с только что пошевенными занавесочками из плюша зеленого или оранжевого цвета. Устроительница — Таська-политка-органчик. Мы ее так называли за принадлежность к компартии, вну-

шительный возраст и короткую стрижку. Орет с утра до ночи бывшим меццо-сопрано. «Тише, Тася» — когда не до нее. Она не обижается и умолкает.

Выхожу к автобусику. С первого сиденья мигом соскакивает пацаненок и — к бабушке Тасе на руки. Переднее сиденье заготовили для меня. Я ворчу, недовольная таким предпочтением, но это делается по-свойски.

Приезжаем. Час дня. Лепит жаркое солнце; у рабочих на стройке перерыв.

Залазим в вагончик. Тут письменный стол, телефонный аппарат, полка — на ней стаканы, соль, тарелки.

Крутимся, уступаем место тому, кто первый должен пригласить к выходу на выступление. Обычно первой идет Таська.

Бисер ее поблек, парик сваялся. Но газ! Газ целый. Падает дымом на молодые плечи.

Она огромная, тучная, а попробуй скажи, что тут попроше и ресницы клеить не надо. Тут же пошлет куда подальше.

— Костик, не трогай телефон!

А Костику телефон не нужен — он молотком разбивает белые кусочки правильной формы.

— Что это за камушки?

— Это не камушки. Это конфеты «школьные», в заказе дали, — делово пояснила Таська.

Она настойчиво пытается попать на веко глаза лаковой, чтоб следом наложить ресницу. Не видит. Хохоchet до слез. То снимает очки, то надевает. — Дай я тебе наклею. Закрой глаза.

— Пошла к черту, я щекотки боюсь.

Клеит чуть выше века, и от этого глаз не закрывается.

Тогда она сдается: поднимает голову и закрывает глаза.

Последняя точка — засунуть в лифчик «Олеко Дундича». Это две мягкие белые перчатки до локтей, в которых она когда-то снималась в фильме «Олеко Дундич» и зашила их. Прошло много лет, перчатки истерлись и прекрасно заполняют пустоты в бюстгалтере.

Посреди двора сидит кучка женщин в оранжевых жилетах. Мужчин не видать. Мимо решетчатого маленького окна плывет большой лист фанеры. Два парня кидают фанеру воз-

платком лицо. — Вот жидовские дела!

Мы уже привыкли к тому, что Аркашка, будучи евреем, все жидов кланет, уверяя, что есть евреи, а есть жида.

— Что такое, Аркаша? Он вытаскивает телеграмму и кладет на стол. Читаем: «Привези тапочки и две банки майонеза баба Мара умерла». Молчим, конечно, — не наше дело.

Аркадий легонько пробежал пальцами по клавишам аккордеона.

Пошли дробушки, звонкий голосок. Юбка колокольчиком. Это уже объявленная Таской Рита Ивановна. Аркадий там же. С аккордеоном, конечно, другая картина.

Таська «подзарядилась», ввалилась в вагончик красная, веселая и, улегшись спиной на прохладные доски вагончика, сообщила:

— Девки! Сдохну — тело спалите и прах в Мелитопольский горком партии!

Покрыхла, отдышалась и встала.

— Костик, дай бабушка сядет.

Костик повиновался и перенес молоток и конфеты на другой край стола.

— Бабушка, видишь, сколько я уже наколол...

Глядя в окошко, Таська ткнула меня в бок:

— О! Мой идет — чернявый!.. Люблю чернявых...

— А может, он лысый, — меланхолично сказала Клара Петровна, держа руки в карманах английского пиджака. — Прошу тебя, — обратилась она к следующей выступающей, Эльзе Степановне, — не говори про «пальмовую ветвь».

— Хорошо, — покорно пообещала Эльза Степановна. Она была слезлива, глазки увлажнились по любому поводу. На концертах показывала, как озвучивает птичек, собачек, свинок в мультфильмах. Частенько мы ее просим не жаловаться на актерскую судьбу. Зрители ведь не помощники.

«Пальмовая ветвь» — откуда она? Дело было так: получила когда-то Клара Петровна спецприз. За первую и последнюю роль в кино. На какое-то время энергия роли ввела ее в ряд известных актрис, потом приходилось самой напоминать.

Шли годы, все объявляющие запутались, как назвать приз, и обозвали его «пальмовой ветвью».

«Пальмовую ветвь» все-таки не оставили в покое. Ею «награждали» любого из выступающих — для понтан...

Я себя барыней чувствую. Одета во все американское — и платье, и туфли... Ведь я только что из Вашингтона.

— Пускай орет! — он вытер

Вспоминаю, как нам в прохладном мраморном банке дали по семьсот долларов. Мне казалось, могу купить все — от парохода до Канарских островов...

Загнивающие капиталисты! Как удобна одежда, как невестомы туфли; мягкие с низкой шпилькой. Только теперь я поняла, как одежда снимает с человека все комплексы. Нога тридцать девятого размера стала изящной, небольшой. Что говорить — я стала много лучше при американском шмотье. Пораньше бы...

На конгрессе в Белом доме, в библиотеке, попросили дать интервью. Я справилась. А когда спросили конкретно, провалится или не провалится наша перестройка, по-плебейски заявила:

— Никогда!

«Черт ее знает, — негодовала потом, садясь в шикарную машину, — что это такое — перестройка...»

...Очнулась — объявили меня...

Я направились к листу фанеры, не допуская, чтоб шпильки погружались в песок. Жаль туфель — может быть, больше таких не будет...

Пожевала я какой-то текст, чтоб собраться с мыслью, — и потом пошло. Это мы умеем. Бурные аплодисменты. Возвращаюсь с букетом полевых цветов в вагончик.

Чернявый из-под телогрейки достает колбасу в бумаге, снимает картуз и освещает вагончик лысиной во всю голову. Мы вздулись от попытки удержать смех; на наше счастье, он вышел и кликнул напарника.

— Ой, ой! Где мой корвалол! — разрываясь от смеха, взмолилась Таська.

— Нет, девчонки, какой корвалол — вот корвалол. — «Чернявый» поставил бутылку водки и начал расставлять граненые стаканы и резать колбасу.

Пить-то мы не очень, но никогда не настаивали на том, чтобы убраться выпивку — под это дело выпьют устроители шефского концерта.

Смотрим, кладет каску на краешек вагончика рабочий.

— Иди, Шурка, не стесняйся.

Шурка и не собирался стесняться.

Разлили всем поровну, чокнулись, отпили по глотку, а «ребяты» до дна. Стали прилипать лица к решетчатому окошку. «Чернявый» задвинул его картоном, на котором был наклеен плакат с инструкцией по технике безопасности.

— Не стесняйтесь, девчонки, закусывайте.

Вместо пустой бутылки появилась свежая.

— Эх, давайте, девчонки, —

крикнула Таська и приглотнула. — Вот знаете, помру — завещаю спалить меня и тело в морг, а прах в Мелитополь, в райком партии.

— Да ты всех переживешь, не ерничай, — говорю ей. — Еще отдаешь супчику за бесплатное.

— Это где ж такое?

— Не слыхала? Бреешь! Знаешь, что у предпринимателей. Каждое воскресенье открываются двери и — будьте любезны! Благотворительное приглашение для бедных. «Спасибо родной партии! Спасибо родному народу!» — крикнул недавно дед и чуть лапти не откинул.

— Нонка, не заводись...

— Я не заводжусь... Дед откусил хлеба, запустил ложку в суп, а «Добрый вечер, Москва» тут как тут: «Вам нравится здесь?» — дура одна спрашивает.

— Почему — дура?

— Интервью брать — это надо иметь ум и талант. А чашечку несут чашу всякую... «Хорошо готовят? вкусно?» Он не поднял головы на кинокамеру, но добавил еще раз: «Спасибо партии родной»...

— Нонка, вот ты и права, но как-то после твоих высказываний порою дух захватывает. — А ты заплачь! Меньше в туалет бегать будешь...

У Эльзы Степановны уже глаза увлажнились, как обычно. — Коммунисты разные бывают, — сказала она.

— Ты права... Мы чокнулись да думали и конец нужной болтовни.

— Я умру коммунистом, — заявила Таська.

— Это клевало!

— Ты коммунистка неполноценная, — сказала обладательница «пальмовой ветви».

— Неполноценная?!

— Полноценные коммунисты живут по-коммунистически...

— При коммунизме. А ты все орешь — коммунизм, партия, народ, а задница голая и у тебя, и у твоей матери, и у матери ее матери. Не путай хер с пальцем!

— Девушки, давайте, — призывал «чернявый».

— Костик! Подай бабушке туфли, — только и могла сказать Таська.

— Слава тебе, Господи, — подошли двое, видать начальство:

— Ну как, товарищи артисты?

Тишина. Теснота.

Тут Костик протяжно и жалобно пукает в клеенку стула.

— Будь здоров! — пожелал один из начальников.

Все рассмеялись.

Костик понял, что смеются из-за его поступка. Он скрылся и зарыдал.